

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90 - 1.

1882.

СОДЕРЖАНІЕ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

Черты старинны въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ Всев. Миллера.

Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 годахъ, по донесеніямъ ганскаго нунція В. Лауреа Ф. Вержбовскаго.

Гербордова біографія Оттона, епископа Вандербургскаго А. Петрова.

Славяно-русская палеографія (Продолженіе). Н. Срезневскаго.

Критика и библіографія:

О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русскую рѣчи и письмѣ. А. Неамова. А. Соболевскаго.

Фонетическія изслѣдованія Мельникъ Беля Н. Минаева.

Журналъ Болгарскаго литературнаго общества П. Сырку.

Iordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum tomi V pars prior. В. Васильевскаго.

Ioannis Euchaitarum metropolitae, quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt Iohannes Bollig S. S. bibliothecae Vaticanae praefectus descripsit, Paulus de Lagarde edidit Его же.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ.

Присужденіе медалей въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ за 1871 годъ.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЧЕРТЫ СТАРИНЫ ВЪ СКАЗАНІЯХЪ И БЫТІИ ОСЕТИНЪ.

Между всѣми народцами сѣвернаго Кавказа Осетины всѣхъ болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Рядъ ученыхъ и путешественниковъ, Кларротъ, Дюбуа-дѣ-Монперѣ, Гакстгаузенъ, Сентъ-Мартенъ, Розенъ, Шѣгрень, Шифнеръ и др., съ особеннымъ интересомъ останавливались на Осетинахъ, сообщали свѣдѣнія о ихъ языкѣ, бытѣ, нравахъ и преданіяхъ. Такой интересъ, вызываемый небольшимъ горнымъ народцемъ, не выдающимся по уровню культуры надъ многочисленными другими горными народцами Кавказа, объясняется, конечно, тѣмъ любопытнымъ и вполне установленнымъ фактомъ, что Осетины принадлежатъ къ народамъ нашей индо-европейской семьи, и именно къ ея иранской вѣтви. Встрѣчая въ горныхъ тущобахъ нашихъ сородичей, замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ народами, чуждыми имъ по языку и типу ¹⁾, мы естественно заинтересовываемся прошлымъ этого народа, и у насъ является рядъ вопросовъ, на которіе желалось бы получить отвѣтъ: Какая судьба загнала Иранцевъ-Осетинъ въ нынѣшнія мѣста ихъ поселенія и оторвала ихъ отъ другихъ Иранскихъ народовъ? Какое воспоминаніе сохранили они о своемъ прошломъ? Какія свѣдѣнія сохранились о нихъ въ историческихъ документахъ? Каковъ складъ ихъ жизни, каковы ихъ религіозныя воззрѣнія? Какое мѣсто занимаетъ ихъ языкъ въ группѣ иранскихъ языковъ? Каковы произведенія ихъ народнаго творчества? и т. п.

¹⁾ Осетины замкнуты съ востока Чеченцами, съ юга Грузинами, съ запада тюркскими обществами Кабарды, съ сѣвера Кабардинцами.

На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ можно найти отвѣты въ сочиненіяхъ, посвященныхъ языку и быту Осетинъ. Научному изученію ихъ языка положено основаніе грамматикой академика Шёгрена; много свѣдѣній о бытѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Осетинъ собрано въ разныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, въ Сборникѣ свѣдѣній о Терской области и другихъ; осетинскія богатырскія (нартскія) сказанія, преданія, сказки напечатаны въ 1-ой части моихъ Осетинскихъ этюдовъ (Москва 1881); на нѣкоторые другіе изъ перечисленныхъ вопросовъ я постараюсь дать отвѣтъ во второй части моихъ Этюдовъ. Въ настоящей же статьѣ я желаю бы обратить вниманіе только на тѣ черты въ осетинскихъ сказаніяхъ и бытѣ, которыя представляютъ любопытный образчикъ фактовъ такъ-называемаго переживания (survivals у Тэйлора). Я заимствую эти факты изъ богатырскихъ сказаній и изъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Но считаю предварительно излишнимъ дать нѣкоторое понятіе объ осетинскомъ эпосѣ.

Самый важный отдѣлъ между произведеніями осетинскаго эпического творчества составляютъ такъ-называемыя нартскія сказанія, соответствующія нашимъ былинамъ о богатыряхъ. Има нартъ — богатырь — хорошо извѣстно народамъ сѣвернаго Кавказа: Кабардинцамъ (нартъ), Чеченцамъ (нартъ) Аварцамъ, Кумыкамъ и пр. Всѣ эти народы думаютъ, что раньше нынѣшняго поколѣнія людей въ ихъ странахъ жили богатыри, совершавшіе разные удивительные подвиги силы и храбрости. Многія имена нартвовъ общи у Кабардинцевъ, Балкарцевъ и Осетинъ: всѣ три народа знаютъ нартвовъ Хамица, Сосруко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатану. При первомъ знакомствѣ съ осетинскими нартскими сказаніями, кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетин: напримѣръ, по дорогѣ въ аулъ Стыръ-Дигоръ, при поворотѣ въ долину рѣки Уруха, близъ аула Наръ мнѣ показывали каменную погребальную комнату, внутри которой покоится исполинскій остовъ, и называли ее могилой нарта Сослана; недалеко оттуда же виднѣется овальная площадка, обложенная камнями: по словамъ мѣстнаго населенія, это нартмы ныхасъ — нартское сборище, то-есть, мѣсто, гдѣ собирались они на совѣтъ, принимая какой-нибудь удалый набѣгъ; въ аулѣ Стыръ-Дигоръ живетъ родъ Хамицевыхъ, производящій себя отъ извѣстнаго въ сказаніяхъ богатыря Хамица; главныя святилища Осетинъ — Рекомъ и Мькалыгабиртэ, явились, по преданію, отъ слезъ, пролитыхъ Богомъ

о смерти нарта Батраза ¹⁾). Но эти приурочиванія имѣютъ не большее значеніе, чѣмъ наши народныя приурочиванія именъ богатырей къ извѣстнымъ мѣстностямъ: такъ у насъ на сѣверѣ показываютъ могилу Святогора, въ Муромскомъ уѣздѣ—родникъ, выбитый конемъ Ильи Муромца, въ Кіевѣ—даже мощи этого богатыря. Подобно Осетинамъ, Кабардинцы и Балкарцы указываютъ слѣды богатырей въ своихъ областяхъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ г. Урусбиевъ, издавшій въ русскомъ изложеніи четыре балкарскія нартскія сказанія ²⁾. «Памятниковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи нартовъ въ Кубанской области, очень много. Мнѣ разказывали очевидцы, что при впаденіи рѣки Таберды въ Кубань, близъ Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій названіе „Чуана“. По преданіямъ, въ немъ вѣогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный ³⁾. Близъ Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко вѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила на немъ слѣды своихъ копытъ» ⁴⁾.

Въ настоящее время, когда только что начали собирать и записывать кавказскія нартскія сказанія, когда сравнительно немногія изъ нихъ изданы на мѣстныхъ языкахъ, когда еще не начата детальная разработка этого эпического матеріала, конечно, еще рано дѣлать выводы о значеніи эпоса для древней исторіи Кавказскихъ народовъ. А между тѣмъ уже явились попытки пользоваться подобными сказаніями для исторіи. Такъ д-ръ Пфафъ, прилежный изслѣдователь юридическаго быта Осетинъ, пользуется сказаніями изъ „эпопеи“ о Батразѣ, какъ источникомъ для ранней исторіи Осетинъ. Онъ собираетъ безъ всякой критики отдѣльныя богатырскія похождения, въ которыхъ участвуетъ нартъ Батразъ, считая ихъ отрывками одной эпопеи, созданной за двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, и приходитъ къ неожиданному выводу, что эта эпопея „заключаетъ въ себѣ самую достовѣрную исторію Осетинъ отъ ея начала до конца феодальнаго вѣка“ ⁴⁾. Батразъ, по мнѣнію г. Пфафа, „не представляетъ одного недѣламаго,—онъ типъ человѣка и представитель цѣлой

¹⁾ См. наши Осетинскіе Эгюды, I, стр. 8.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I, отд. II (1861 г.).

³⁾ См. тамъ же, стр. 111.

⁴⁾ См. Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 171.

народности индо-европейскаго происхожденія. Онъ пришелъ на Кавказъ, и поселившись среди туземцевъ, занималъ сначала весьма подчиненное положеніе; но потомъ, когда выказались его необыкновенныя, въ сравненіи съ общимъ уровнемъ туземцевъ, нравственныя и умственныя достоинства, онъ завоевалъ себѣ почетное положеніе и даже сталъ гордымъ повелителемъ народа ¹⁾».

Не менѣе фантастичны и воззрѣнія Шора-Бекмурзинъ-Ногмова, автора исторіи Адыгейскаго народа, на черкесскія сказанія о нартахъ ²⁾.

Ногмовъ старается найти въ именахъ разныхъ кабардинскихъ нартовъ воспоминанія объ историческихъ лицахъ, имѣвшихъ влияние на жизнь Адыгейскаго народа. Такъ, напримѣръ, въ нартѣ Сосруко (иначе Сосироко или Коссирихъ) онъ усматриваетъ имя Кесаря, а въ черкесскомъ преданіи о чудесномъ рожденіи Сосруко изъ камня — отголоски римскаго преданія о рожденіи Юлія Цезаря (цезарское сѣченіе), будто бы занесеннаго нѣкогда въ Черкесамъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ увлеченія кавказскимъ богатырскимъ эпосомъ и мечтанія найти въ немъ необыкновенныя историческія откровенія, мы можемъ только сказать, что этотъ эпосъ, весьма богатый по содержанію, заслуживаетъ серьезнаго изученія. Раздѣляя судьбу всѣхъ устныхъ произведеній, онъ содержитъ въ себѣ массу подновленій, смѣшеній именъ, но все же содержитъ много древняго, нѣкоторыя историческія воспоминанія и такія черты быта, которыя уже отжили свой вѣкъ.

Значеніе кавказскаго эпоса, на нашъ взглядъ, опредѣляется значеніемъ той мѣстности, на которой совершаются подвиги нартовъ. Кабардинскіе нарты не ограничиваютъ свою богатырскую дѣятельность нынѣшними предѣлами Кабарды: они совершаютъ обыкновенно набѣги къ рѣкамъ Тапу (Дону) и Идылю (Эдылю, Волгѣ). Въ осетинскихъ нартскихъ сказаніяхъ, вслѣдствіе многовѣковой заменутости Осетинъ въ горахъ, куда они были вытѣснены изъ плоскости Кабардинцами, мѣстомъ походовъ нартовъ уже являются горы, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма часто нарты совершаютъ свои походы внѣ ны-

¹⁾ Тамъ же, стр. 170.

²⁾ Изд. въ Тюльскѣ, въ 1861 г. г. Берге и низъ же въ немецкой передѣлкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1866 г. подъ заглавіемъ: *Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volks gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov*, bearbeitet und mit einer Vorrede versehen von *Adolf Bergé*.

вѣшнихъ предѣловъ Осетіи въ Касажской равнинѣ (Касаджи быдыр), то-есть, въ Кабардинской низменности, прежней родинѣ Осетинъ. Такимъ образомъ въ нартскихъ сказаніяхъ сохранились намеки на древнее географическое расположеніе нынѣшнихъ народовъ. Нартскій эпосъ можно назвать сѣверо-кавказскимъ. Мы можемъ пока оставить въ сторонѣ вопросъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы нартскаго эпоса¹⁾. Но важно указать на то, что многія личности богатырей равно знакомы сосѣднимъ кавказскимъ народамъ. Многовѣковое сосѣдство, одипаковый складъ жизни, постоянныя военныя и мирныя сношенія, все это распространило одни и тѣ же нартскіе типы и эпические мотивы на равнинѣ сѣвернаго Кавказа, откуда впоследствии они перешли и въ горы. Вслѣдствіе географическихъ условій складъ жизни на сѣверномъ Кавказѣ не измѣнялся въ теченіе многихъ столѣтій. Въ этой равнинѣ, на этомъ перепутьѣ изъ Азіи въ Европу, не могла ни въ древнія времена, ни въ средніе вѣка возникнуть прочная и осѣдлая культура. Въ глубокой древности на сѣверѣ отъ этихъ мѣстъ двигалась въ Европу часть Индо-Европейскихъ народовъ. Вступая въ Европу черезъ естественныя ворота между южными отрогами Урала и сѣвернымъ побережьемъ Каспійскаго моря, Индо-Европейскія племена стремились къ Черному морю, и переходя южно-русскія рѣки, двигались все далѣе на западъ, постоянно подталкивая другъ друга. Такіе Индо-Европейскіе народы, послѣдніе изъ тѣхъ, которыхъ отпустила Азія въ Европу, являются за нѣсколько столѣтій до нашей эры подъ названіями Скифовъ и Сарматовъ у классическихъ писателей. Затѣмъ, когда движеніе Индо-Европейцевъ завершилось, начинаютъ изъ Азіи двигаться той же дорогою народы другаго племени—Угро-Финны и Урало-Алтайцы. Какую же роль при этихъ движеніяхъ игралъ сѣверный Кавказъ? Можно сказать положительно, что Кавказъ былъ асуломъ для всѣхъ тѣхъ народовъ и народцевъ, которые по историческимъ обстоятельствамъ искали защиты отъ напора болѣе сильныхъ народовъ, для всѣхъ тѣхъ, которые были сбиты на югъ отъ торнаго пути народовъ и попадали, какъ бы въ тупикъ, въ то пространство, которое географически обведено естественными и трудно переходимыми границами—на востокъ Каспиемъ, на западъ Мэотидой и Понтомъ, на югъ высокою стѣной Кавказскаго

¹⁾ Личное наше мнѣніе въ данномъ случаѣ то, что кабардинскій эпосъ сильно повліялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій—на сказанія Балкарцевъ. Но конечно, это не болѣе, какъ догадка.

хребта. Только этимъ соображеніемъ можно объяснить себѣ удивительную многочисленность и разнообразіе Кавказскихъ народовъ. Кавказъ принималъ въ себя остатки всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя нѣкогда бродили по сѣверной плоскости подъ разными именами, быстро являющимися и исчезающими у классическихъ географовъ, и были разбиваемы и загоняемы на югъ постояннымъ натискомъ все новыхъ и новыхъ выселенцевъ изъ Азіи. При постоянномъ движеніи народовъ въ сѣверо-кавказскихъ степяхъ въ теченіе многихъ столѣтій не могло возникнуть культурнаго прогресса: всякій народъ при данныхъ условіяхъ долженъ былъ вести одинъ и тотъ же образъ жизни; онъ сохранялъ типъ кочевника, разбойника, удалаго наѣздника, врага мирныхъ занятій земледѣлія, вѣчно предпринимающаго воровскіе набѣги на сосѣдей. Возьмемъ ли мы Сармата временъ Геродота, Алавина—временъ Амміана Марцеллина или Осетина недавняго прошлаго,—во всѣхъ нихъ окажутся знакомыя черты этого типа. Два тысячелѣтія въ культурномъ отношеніи прошли безслѣдно и не потому, чтобы расѣ Осетины не были способны къ культурѣ—они несомнѣнно Индо-Европейцы,—а потому, что складъ ихъ жизни сложился подъ вліяніемъ такихъ физическихъ условій, которыя преодолѣть было не возможно. Этою упорною стойкостью въ складѣ жизни и понятіяхъ опредѣляется интересъ сѣверо-кавказскаго этноса. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ сказаніяхъ, записанныхъ на сихъ дняхъ, мы найдемъ отголоски и слѣды такихъ понятій и такого быта, которыя мы узнаемъ, напримѣръ, въ извѣстіяхъ Геродота о Скивахъ и Сарматахъ, и найдемъ такія черты рядомъ съ упоминаніемъ пушекъ и пистолетовъ.

Въ сказаніи о Созрыко ¹⁾ разказывается, что этотъ нартъ, побѣдивъ богатыря Элтагана, срѣзалъ у него скальпъ. Пріѣхавъ въ нартскій аулъ послѣ походовъ, онъ собралъ всѣхъ дѣвокъ и молодыхъ и сказалъ имъ: „Скронте мнѣ шубу изъ головныхъ волосъ и усовъ“. И увидѣли молодухи, что Созрыко вынесъ кожи отъ головъ и усовъ. Одна говорила: „Это скальпъ моего отца“. Другая говорила: „Это кожа съ усамъ моего брата“. Третья говорила: „Это кожа съ головы моего мужа“. И сказали онѣ ему: „Завтра утромъ мы придемъ“. Утромъ онѣ пришли къ нему и скронли шубу. Потомъ пошли къ колдунѣ и сказали: „Мы скронли Созрыко шубу изъ головныхъ кожъ нашихъ отцевъ, изъ усовъ нашихъ братьевъ и головныхъ кожъ нашихъ мужей.“

¹⁾ См. наши Осет. этюды, ч. I, стр. 28 и слѣд.

Научи насъ, что намъ дѣлать". Вѣдьма сказала имъ: „Оставьте его шубу безъ воротника, и когда сошьете, то надѣньте на него и скажите ему: хороша твоя шуба, только еще недостаетъ воротника; если принесешь для него скальпъ Муккары, Тарыкова сына,—а его назовутъ золотымъ,—тогда полна будетъ твоя шуба". Молодухи послѣдовали совѣту колдуньи, а Созрыко пошелъ добывать скальпъ Муккары, добылъ его и велѣлъ сдѣлать изъ него воротникъ для шубы.

Итакъ, былина сохранила воспоминаніе объ обычай скальпированія и утилизаціи скальповъ для шубъ, нѣкогда существовавшемъ на сѣверномъ Кавказѣ. Дѣйствительно, такой обычай исторически засвидѣтельствованъ Геродотомъ у Скивовъ. Вотъ что разказываетъ греческій историкъ (кн. IV гл. 64): „Какое бы число (непріятелей) Скивъ ни убили, онъ отрѣзаетъ у всѣхъ головы и приноситъ къ царю; только такимъ образомъ получаетъ онъ долю въ добычѣ, и лишается ея, если не принесетъ головы. Чтобы освободить черепъ отъ волосъ, онъ дѣлаетъ круговой надрѣвъ на головѣ выше ушей, и держа скальпъ, встрясаетъ голову; затѣмъ онъ отскребаётъ бычьимъ ребромъ мясо на скальпѣ, и размягчивъ кожу перетираніемъ въ рукахъ, употребляетъ скальпъ какъ утиральникъ. Скивъ гордится скальпами и вѣшаетъ ихъ на уздечкѣ коня; чѣмъ больше такихъ утиральниковъ можетъ онъ показывать, тѣмъ выше почитается онъ въ народѣ. Многие дѣлаютъ себѣ шубы, въ родѣ тулуновъ нашихъ крестьянъ, шивая вмѣстѣ множество скальповъ". Этотъ скивскій обычай былъ хорошо извѣстенъ Грекамъ, какъ видно, между прочимъ, и изъ того, что у писателей (Еврипида, Атенея) употребляется терминъ *αποσχοδίζω* — скальпировать, составленный изъ собственнаго имени Скивовъ.

Нѣсколько далѣе Геродотъ сообщаетъ другой скивскій обычай (гл. 66). Однажды въ годъ правитель каждой области, на назначенномъ мѣстѣ, собираетъ народъ и замѣшиваетъ чашу вина, изъ которой имѣютъ право пить только тѣ Скивы, которые убивали непріятелей; тѣ, которые никого не убили, не допускаются пить изъ чаши и сидятъ въ отдаленіи. Нѣтъ для Скива большаго позора, чѣмъ этотъ... Любопытно, что о такой богатырской чашѣ сохранилось преданіе въ осетинскомъ эпосѣ. Эта чаша получила чудесныя свойства и даже носить собственное имя *нарт-амонгъ* (указательница *нартовъ*) или *уаціамонгъ* ¹⁾. Обычный мотивъ въ эпосѣ тотъ, что бога-

¹⁾ Слово *уацъ*—неизвѣстнаго значенія; оно встрѣчается въ названіи святыхъ *уас-кери* (св. Георгій) *уац-ілла* (св. Илья).

тыри пируютъ и разказываютъ свои похождения: кто оказывается достойнымъ богатырской чаши, къ устамъ того она чудеснымъ образомъ поднимается сама. Такъ, одна изъ былинь нашего сборника ¹⁾ вводитъ насъ какъ бы въ обстановку скинскаго сборища. Нарты пируютъ и спорятъ о своей доблести. Чудесная чаша не поднималась ни къ кому, кромѣ нарта Сослана. Тогда нарты говорятъ старику Хамицу, отцу мальчика-Ватраза, котораго подвиговъ еще никто не зналъ: „Ну-ка, старикъ, разкажи, что ты видалъ; можетъ быть, чаша пойдетъ къ тебѣ!“ Хамицъ молчитъ о своихъ дѣлахъ и щелчетъ глазами маленькаго Ватраза. Мальчикъ подошелъ и сѣлъ передъ отцемъ. „Вотъ я! отецъ“, сказалъ онъ, — „я сейчасъ разкажу, что я сработалъ: Я убилъ пять дауэговъ (выснихъ духовъ) и шесть уаццловъ. Я убилъ отца хлѣбнаго духа Боръ-хуаръ-али, и во свидѣтельство этого, пусть уасіамонга поднимется къ усамъ моего отца и пусть старикъ пьетъ“. Въ одну минуту чаша поднималась сама ко рту Хамица..

Отъ богатырской чаши перейдемъ къ другой чертѣ въ осетинскихъ сказаніяхъ, въ которой, быть можетъ, сохранилось древнее историческое имя. Извѣстно изъ Геродота, что Скины изъ мѣстъ своего поселенія вытѣснили народъ Киммерійцевъ. Скины, по его словамъ, доселѣ сохраняютъ слѣды Киммерійцевъ; въ ней есть киммерійскіе замки, могилы, киммерійскій перевозъ, есть полоса земли, называемая Киммеріей и Киммерійскій Босфоръ (IV, гл. 12). Такимъ образомъ, во времена Геродота, на почвѣ южной Россіи отъ нѣкогда могущественнаго народа, извѣстнаго въ Библии подъ именемъ Гомеръ, а въ ассирійскихъ памятникахъ подъ именемъ Gimigai, народа, сильно тѣснившаго Лидію во времена Гигеса (по ассир. Gugu) въ VII вѣкѣ до Р. Х., остались только слѣды—могилы и названія нѣкоторыхъ мѣстностей. Вспомнимъ теперь фактъ, часто повторяющійся въ народныхъ преданіяхъ: имена древнихъ народовъ, прикрѣпленныя къ могиламъ, развалинамъ и вообще къ древнимъ остаткамъ человѣческихъ сооруженій въ извѣстной мѣстности, получаютъ значеніе „великановъ, исполиновъ, богатырей“. Такъ Шафарикъ производитъ слав. сполинъ, исполинъ, множ. число: споли, сполове, сполни—отъ названія народа Spali, упоминаемаго въ готскомъ сказаніи у Иордана (сар. 4), народа жившаго гдѣ-то въ Скиніи и покореннаго Готами при Филимерѣ; такъ польск. ołbzym или obzish—великанъ—есть названіе народа извѣстнаго западнымъ лѣтописцамъ въ формѣ Avagi; такъ имя народа Гунновъ, за-

¹⁾ См. Осет. Этюд. ч. I стр. 149.

шедшее въ средневѣковыя германскія сказанія, прикрѣпилось въ формѣ Hüpen къ древнимъ могиламъ, которыя доселѣ сливуть въ Германіи какъ Hüpengräber, великанскія могилы; такъ наше слово вѣлотъ—великанъ—производятъ отъ имени народа Волотовъ, Велетовъ; остатки Вѣлотовъ народъ видятъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ, а въ Сибири говорятъ, что цѣлый народъ Волотовъ за-живо ушелъ въ землю. Такое же преданіе разказываютъ тамъ же про народъ Чудь или Чудáковъ. Испугавшись Ермака, Чудь или Чудáки (Чудаки) вырыли подкопы, ушли туда со всѣмъ добромъ, подрубили стойки и погибли ¹⁾. Въ виду этихъ и другихъ примѣровъ перехода названій исчезнувшихъ народовъ къ значенію исполиновъ, не трудно допустить, что и имя Киммерійцевъ, прикрѣпленное къ мѣстностямъ, могло перейти въ народныя традиции со значеніемъ великановъ. Дѣйствительно, въ нартскихъ сказаніяхъ Осетинъ нерѣдко упоминаются какіе-то великаны Гумірітá (ед. ч. гумір) и Уойгутá (ед. ч. ўоуг), которые враждебны осетинскимъ богатырямъ. Съ ними борется, напримеръ, богатырь Амиранъ ²⁾. Въ одномъ сказаніи говорится, что Богъ сотворилъ великановъ раньше нарттовъ. Едва ли слишкомъ смѣло предположить, что въ осетинскихъ гумирахъ—великанахъ сохранилось имя Киммерійцевъ (Gimpirgai) которыхъ, замѣтимъ кстати, по свидѣтельству Геродота, Скионы преслѣдовали черезъ Кавказъ въ Азію; другой вопросъ, конечно, представляетъ ли это имя такой же отголосокъ древнихъ преданій, какъ тулуны изъ скальповъ или богатырская чаша, или ово зашло въ эпосъ, какъ отголосокъ книжный, можетъ быть, изъ Грузін.

О происхожденіи Скиеовъ во времена Геродота ходили народныя преданія. По одному преданію, ихъ родоначальникъ Таргитао, вѣроятно—миѣнический герой, былъ сыномъ верховнаго бога, котораго Геродотъ называетъ Зевсомъ, и дочери Борисеена, то-есть, русалки, дочери рѣчнаго или водянаго бога ³⁾. По другому преданію, представляющему эллинизированный вариантъ перваго, Геркулесъ (очевидно греческое осмысленіе скиескаго бога), разыскивая коровъ Геріона, нашелъ въ одной пещерѣ въ Гилеѣ странное существо, полуженщину-полузмѣю и вступилъ съ нею въ связь, плодомъ которой было три

¹⁾ См. Толковый Словарь *Далъ* s. v.

²⁾ См. Осет. тексты, стр. 145 и слѣд.

³⁾ Геродотъ, IV, гл. 5.

сына-родоначальника народовъ — Агатиросовъ, Гелоновъ и Скиеовъ ¹⁾. Такимъ образомъ, и по этому преданію, родоначальникъ Скиеовъ происходитъ отъ бога и нимфы, которой полумѣнный видъ указываетъ на ея водяное происхождение. Такъ какъ по Геродоту Таргитао жилъ за тысячелѣтіе до похода Дарія на Скиеовъ (такъ говорили сами Скиен), то конечно, въ Таргитао нужно видѣть какого-нибудь эпическаго богатыря, занимавшаго главное мѣсто въ скиескомъ эпосѣ. Отмѣтимъ сходное преданіе и у Осетинъ. Въ одномъ вариантѣ о рожденіи Батраза, вышлага изъ нартовъ, разказывается, что нартъ Хамыцъ долго преслѣдовалъ чуднаго бѣлаго зайца. Заяцъ, нѣсколько разъ ударяемый плетью, то прикинется мертвымъ, то оживетъ и заманиваетъ такимъ образомъ богатыря къ самому морю. Затѣмъ заяцъ исчезаетъ въ водѣ, а вышедшій изъ моря старецъ объясняетъ Хамыцу, что заяцъ—дочь водянаго бога Дон-беттыра, что нимфа полюбила Хамыца и выйдетъ за него замужъ, если онъ прійдетъ свататься черезъ мѣсяцъ. Хамыцъ пріѣзжаетъ на берегъ моря въ гости къ водяному богу и женится на его дочери. Она ставитъ условіемъ носить днемъ черепашую чешую (вспомнимъ о змѣевидной нимфѣ у Геродота), такъ какъ боится солнца. Нартъ Сырдонъ сжигаетъ чешую, и русалка покидаетъ мужа, оставляя у него на спинѣ воддырь, изъ котораго родится Батразъ ²⁾. Конечно, и у другихъ народовъ найдутся сказки о связи богатырей съ водяными нимфами, но любопытно, что въ скиескихъ и кавказскихъ сказаніяхъ, быть можетъ—впрочемъ случайно, отъ такой связи происходитъ главный національный богатырь.

Другое преданіе о нартскомъ бракѣ, быть можетъ, содержитъ въ себѣ отголосокъ нѣкогда существовавшаго обычая. Извѣстно, что у Иранцевъ браки между близкими родственниками считались нѣкогда самыми уважаемыми, на томъ основаніи, что такіе браки сохраняютъ чистоту извѣстнаго рода. Эти браки, для которыхъ въ Зендавестѣ есть особый терминъ *gaetvōdatha*, возмущали Грековъ, знавшихъ ихъ у Персовъ. Діогенъ Лаерцій говоритъ, что у Персовъ дозволено даже сочетаться съ матерью или дочерью ³⁾. Не находится ли въ связи съ этимъ иранскимъ обычаемъ, какъ его послѣдній отголосокъ въ эпосѣ, та черта, что уважаемый нартъ Уривмагъ женатъ на своей сестрѣ Сатанѣ? Конечно, о такомъ обычаѣ у Иранцевъ-Осетинъ те-

¹⁾ Геродотъ, IV, гл. 9 и 10.

²⁾ См. Сбор. свѣд. о Кавказ. горцахъ, IX, отд. II, стр. 1 и слѣд.

³⁾ См. *Spiegel*, примѣч. къ *Vispered*, III, 18.

перь нѣтъ и помину, и самъ эпосъ указываетъ на его несоотвѣтствіе общепринятымъ обычаямъ, но сообразуясь съ пословицей: изъ пѣсни слова не выкинешь, сказатели (кадэггэнэги) продолжаютъ тщательно повторять, что жена Урызмага приходилась ему сестрою.

Отъ слѣдовъ древняго быта въ эпосѣ переходу къ такимъ же въ современныхъ осетинскихъ обрядахъ и повѣрьяхъ.

Осетинскіе и вообще кавказскіе знахари и знахарки до сихъ поръ продолжаютъ ворожить и гадать, соблюдая чуть ли не тѣ приемы, которые двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ описалъ Геродотъ у Скивовъ. „Скиеи“, говоритъ онъ ¹⁾,—имѣеть множество знахарей, предсказывающихъ будущее при помощи ивовыхъ палочекъ. Приносятъ большой пучекъ такихъ палочекъ и кладутъ его на землю. Знахарь развязываетъ пучекъ и откладываетъ одну палочку за другою, произнося свое предсказаніе; затѣмъ, продолжая говорить, онъ снова собираетъ палочки и связываетъ ихъ въ пучекъ“. Трудно себѣ составить точное понятіе о такомъ гаданіи палочками, которое—замѣтимъ кстати—было въ ходу у Маговъ-иранцевъ, у Германцевъ (по Тациту), у Аланъ (по Аммиану Марцеллину) и у Славянъ Балтійскихъ (по Саксону Грамматикю). Что касается Осетинъ, то подобное гаданіе въ настоящее время, по свидѣтельству г. Гатіева ²⁾, совершается слѣдующимъ образомъ: Знахарь, приглашенный къ больному, велитъ разостлать на полу бурку, ставить маленькую скамью и садится; затѣмъ беретъ четыре палочки и располагаетъ ихъ такимъ образомъ: передніе ихъ концы, разцеplенные вилообразно, вкладываются одинъ въ другой, а противоположные концы втыкаются въ шапку. Передніе концы обѣихъ паръ палочекъ знахарь держитъ въ рукахъ. Затѣмъ послѣ молитвы онъ говоритъ: „Если больной страдаетъ по твоей винѣ, боже, то пусть поднимутся палочки въ правой рукѣ; если же по волѣ злаго духа,—то въ лѣвой рукѣ“. Послѣ этого онъ дѣлаетъ видъ, будто противъ его воли выскочили на полъ палочки изъ-подъ лѣвой руки, и слѣдовательно, болѣзнь наслалъ злой духъ. Такимъ же образомъ плутъ-знахарь угадываетъ, какого козленка, бѣлаго или чернаго, слѣдуетъ принести, какъ милостивительную жертву.

Другой способъ гаданія у Скивовъ, употреблявшійся энарейцами (импотентами), состоялъ въ томъ, что они брали кусокъ липоваго лубка, вырѣзали изъ него три ленты (мочалы), и предсказывая, то

¹⁾ Кн. IV, гл. 67.

²⁾ См. Сбор. свид. о Кавказ. горцахъ, IX. отд. III, стр. 1.

наматывали ихъ на пальцы, то разматывали ¹⁾). Опять описаніе Геродота крайне нелсно. Можетъ быть, комментариемъ къ этому мѣсту послужить гаданіе, совершаемое знахарками у Осетинъ. Ворожея, приглашенная въ домъ, гдѣ есть больной, старается прежде всего развѣдать окольнымъ путемъ, не провинилась ли семья передъ ка-кимъ-нибудь дзуаромъ (святимъ, духомъ, святилищемъ), забивъ зарѣзавъ въ извѣстный срокъ въ честь его барашка. Узнавъ о какомъ-нибудь проступкѣ, она проситъ кусокъ холста, завязываетъ на одномъ концѣ узелъ и начинаетъ отиѣривать отъ него локтемъ. Положимъ, она насчитала въ кускѣ пять локтей. Отиѣривая ихъ, она каждый разъ произноситъ имя какого-нибудь святаго, напри-мѣръ, Уастирджи (св. Георгій), Уаццлла (св. Илія), и показываетъ, что каждый разъ приходится ровно пять локтей. Дойдя до имени дзуара, противъ котораго провинилась семья больного, она, быстро передегивая, показываетъ, что кусокъ холста увеличился или уменьшился въ длинѣ: въ немъ оказывается не ровно 5 локтей, а $4\frac{1}{2}$ или $5\frac{1}{2}$. Вывода изъ этого чуда, что такой-то дзуаръ наслалъ болѣзнь, она совѣтуетъ поскорѣе зарѣзавъ ему барашка, и тогда больной выздоровѣетъ ²⁾).

Намъ кажется, что скинское обматываніе мочалокъ вокругъ пальцевъ и разматываніе основано было на томъ же чудѣ. Вѣроятно, длина мочалокъ также то увеличивалась, то уменьшалась, смотря по желанію гадальщика. Отиѣтимъ также, что какъ у Скиновъ такое гаданіе исключительно производилось знахарцами, такъ гаданіе съ холстомъ у Осетинъ есть гаданіе женское.

Похоронные обряды Осетинъ отличаются чрезвычайною архаичностью. Въ оплакиваніи покойника участвуютъ не только его родные, но весь аулъ и даже вся окрестность. Едва кто-нибудь умеръ, вѣстникъ (каргэнэгъ) спѣшитъ въ окрестные аулы извѣстить ихъ о смерти, и со всѣхъ сторонъ идутъ въ домъ покойнаго. Семья покойнаго не жалѣетъ ничего, чтобы почтить его память обильнымъ угощеніемъ: она спѣшитъ продать все, что можно, не разчитывая на будущее, и перѣдко разоряется въ конецъ. Бывали случаи, что по смерти какого-нибудь лица весь его скотъ шелъ на первыя поминки, и дѣти становились нищими. По свидѣтельству самихъ Осетинъ, ежегодныя поминки въ честь одного лица обходились достаточному семейству болѣе, чѣмъ въ двѣ тысячи рублей; всѣхъ поминковъ насчитываютъ до

¹⁾ Геродотъ, кн. IV, гл. 67.

²⁾ См. мою статью: «Въ горахъ Осетіи», *Русск. Мысль*, сентябрь 1881 г.

двѣнадцати въ первый годъ. Плакиваніе покойника отличается такою же неумѣренностью въ выраженіи скорби. Мужчины, провожая гробъ на кладбище, бьютъ себѣ по лбу кулаками и выпускаютъ стоны; женщины, ползя на колѣняхъ, ударяютъ въ тактъ руками по лицу и по колѣнямъ и воютъ. Опустивъ гробъ на землю близъ могилы, мужчины становятся особо отъ женщинъ и изъ толпы послѣднихъ выступаютъ впередъ сестры, племянницы и другія близкія родственницы; остановясь довольно далеко отъ гроба и потомъ медленно подходя къ нему, онѣ рвутъ себѣ на головахъ волосы и царапаютъ себѣ ногтями лица, такъ что щеки ихъ покрываются струпами. Послѣ того начинаютъ шагъ за шагомъ подходить къ покойнику братья, сыновья и племянники, ударяя себя плетью по затылку и испуская вопли. Затѣмъ вдова подходитъ ко гробу, отрѣзываетъ себѣ косу и кладетъ ее на грудь мужу, въ томъ убѣжденіи, что такимъ образомъ она останется его женой и въ загробной жизни ¹⁾. Если Осетины теперь уже не хоронятъ съ покойникомъ его оружія и вещей, то память объ этомъ обычаѣ сохраняется въ изображеніи такихъ вещей на могильномъ столбѣ. Намъ нерѣдко приходилось видѣть памятники, расписанные красками; на нихъ изображаются: рядъ патроновъ, носимыхъ на черкескѣ, пороховница, ножъ, ружье, пистолеть, плеть; ниже — лошадь, кувшинъ и чашка. Безъ сомнѣнія, эти изображенія представляютъ практическую замѣну обычая класть всѣ эти предметы въ могилу покойнаго. Впрочемъ у Осетинъ сохранился до сихъ поръ одинъ обрядъ, какъ отголосокъ обычая класть коня съ покойникомъ. Эта такъ называемое бахфалдисынъ, посвященіе коня. Цѣль обряда та, чтобы покойникъ имѣлъ коня въ загробномъ мірѣ и могъ доѣхать благополучно до мѣста, ему предназначеннаго. Во время погребенія, когда трупъ уже опущенъ въ могилу, къ ней подводятъ коня, и одинъ изъ присутствующихъ произноситъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ трудности загробнаго пути и описываетъ встрѣчи, которыя будутъ имѣть покойникъ ²⁾. По окончаніи рѣчи кони обводятъ три раза вокругъ могилы, даютъ ему попробовать браги и чашку, изъ которой онъ пилъ, разбиваютъ объ его копыто. Чтобы покойникъ могъ узнать своего коня на томъ свѣтѣ, коню отрѣзаютъ кончикъ уха или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ надрѣзъ. Затѣмъ кто-нибудь изъ присутвую-

¹⁾ См. Сборн. Св. о Кавк. Горцахъ, IX т., отд. III, стр. 3.

²⁾ Обрядикъ бахфалдисына приведенъ въ моихъ Осетинскихъ этюдахъ, I, стр. 108—115.

щихъ садится верхомъ и скачетъ на конѣ до тѣхъ норъ, нова вгонитъ его въ нсарину.

Между другими похоронными обрядами упоминаетъ еще такъ-называемое сидѣнье мертвыхъ (мардты бадан), совершаемое спустя недѣлю послѣ Нового года и въ день Богоявленія. Этотъ обрядъ справляютъ въ тѣхъ семьяхъ, которыя въ теченіе предшествующаго года потеряли кого-нибудь изъ близкихъ. Въ честь умершаго несутъ хлѣбъ огромной величины, такой, что одному человѣку достаточно было бы на мѣсяцъ. Затѣмъ дѣлаютъ чучело, изображающее покойника, распяливъ на палкахъ его одежду. Чучело ставятъ на сканейку, вокругъ которой раскладываютъ всѣ любимыя вещи покойнаго—винтовку, шашку, кинжалъ, трубку съ табакомъ, балалайку и т. п. Передъ чучеломъ ставится каша и бутылка арака, предназначаемыя покойнику, такъ какъ существуетъ вѣрованіе, что душа его на это время отпрашивается у вл�стителя мертвыхъ Барастыра на побывку домой и вселяется въ чучело. Въ теченіе дня происходитъ оплакиваніе, а затѣмъ угощеніе.

Наблюдая эти, до сихъ поръ сохранившіеся у Осетинъ, обряды, невольно вспоминаешь нѣкоторыя черты скифскихъ похоронъ, записанныя Геродотомъ. И у Скифовъ въ похоронахъ принимаютъ живое участіе не только близкіе родственники покойника, но и всѣ его знакомые, при чемъ трупъ обыкновеннаго смертнаго развозится по области въ теченіе сорока дней¹⁾. Трупъ же царя возятъ по всей Скиѣ изъ области въ область и всюду его оплакиваютъ, выражая скорбь нагляднымъ образомъ: каждый Скифъ обрѣзаетъ себѣ кончикъ уха (у Осетинъ это дѣлаютъ коню), остригаетъ себѣ волосы (это дѣлаютъ у Осетинъ вдова покойника), дѣлаютъ нарѣзы на рукахъ, царапаютъ себѣ лбы и носы (послѣднее до сихъ норъ дѣлаютъ женщины въ Осетин) и прокалываютъ себѣ стрѣлою лѣвую руку²⁾. Съ царемъ погребаютъ его жену, слугъ, коней, оружіе, сосуды: отголоски всего этого мы сейчасъ только указали въ осетинскихъ обрядахъ. Затѣмъ черезъ годъ вокругъ царской могилы ставятъ 50 чучель убитыхъ въ честь его юношей и коней, чему, быть можетъ, отголоскомъ является осетинскій обрядъ сидѣнія мертвыхъ, при которомъ изготовляется чучело покойника, котораго снова оплакиваютъ и потчуютъ нищей.

Что касается домашняго очага, то едва ли Осетины почитаютъ его

¹⁾ Геродотъ, IV, 73.

²⁾ Геродотъ, IV, гл. 71.

менѣе древнихъ Скиноовъ. Изъ Геродота мы узнаемъ, что высшее божество Скиноовъ была Табити, которую греческій историкъ приравниваетъ Гестин (Вестѣ) ¹⁾. Изъ другаго мѣста (гл. 68) можно вывести, что клятва очагомъ считалась наиболѣе священной клятвой; по крайней мѣрѣ, болѣзнь царя объяснилась тѣмъ, что кто-нибудь изъ Скиноовъ принесъ ложную клятву царскимъ очагомъ. У Осетинъ очагъ и главнымъ образомъ желѣзные цѣпи (рахыс), свѣшивающіяся надъ нимъ, считаются святилищемъ сакли. Держась за цѣпь, Осетинъ произноситъ клятвы; въ брачномъ обрядѣ, до введенія христіанства, невѣсту водили три раза вокругъ цѣпи, послѣ чего бракъ считался формально совершеннымъ. Снять съ очага цѣпь и швырнуть ее за дверь,—считается у Осетинъ самымъ сильнымъ оскорбленіемъ семьѣ. За этимъ слѣдовала всегда непримиримая кровная месть, и только въ новѣйшее время судьи полагаютъ за это высокую денежную пеню (отъ 60 до 100 руб.) Въ одномъ юридическомъ случаѣ г. Пфафъ нашелъ въ прошеніи фразу: „Онъ не только убилъ моего сына, но даже цѣпь швырнулъ за дверь“ ²⁾. Патрономъ цѣпи считается богъ Сафа, который, по свидѣтельству г. Шанаева, „есть богъ меча и всего оружія“. Въ очень недавнее время, говоритъ этотъ собиратель осетинскихъ сказаній,—Осетины, укладывая своихъ дѣтей, поручали ихъ этому богу меча; поглаживая голову дитяти и обводя рукою цѣпь у очага, произносили слова: „Сафа, помилуй моихъ бѣдныхъ дѣтей, укрѣпи ихъ жизнь твоею твердою силою навсегда. Храци ихъ отъ нечистыхъ и злыхъ силъ“. Имя Сафа Осетинами поставлено очень высоко: въ честь этого бога оружія или меча, вошелъ обычай — заставляя на третій день великаго поста въ среду кузнеца раскаливать самые мелкіе прутки желѣза, отъ которыхъ отламывались кусочки, зашивались въ ладанку вмѣстѣ съ клочкомъ ваты, лоскутомъ сукна или шелка и нацѣплялись на шею дѣтямъ, какъ амулетъ противъ злыхъ духовъ и сглаза ³⁾. Оставляя на отвѣтственности г. Шанаева, природнаго Осетина, увѣреніе, что Сафа—богъ меча, мы не можемъ не припомнить скинскаго кудьта бога войны въ видѣ желѣзнаго меча, которому приносились жертвы во всѣхъ частяхъ скинскихъ степей ⁴⁾.

¹⁾ IV, гл. 59.

²⁾ См. *Пфафъ*, Обычное право Осетинъ, въ Сбор. свѣд. о Кавказѣ, т. II, стр. 274.

³⁾ См. Сб. св. о Кавк. горц. IX отд. II стр. 41, примѣч.

⁴⁾ См. у Геродота, IV, гл. 62.

Ограничиваясь этими примѣрами слѣдовъ старинны въ осетинскомъ быту и сказаніяхъ, замѣтимъ, что намъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: почему въ нашихъ сравненіяхъ мы приводили исключительно черты изъ быта Скивовъ, хотя нѣкоторыя параллели можно было бы привести изъ быта другихъ народовъ. Отвѣтъ нашъ состоитъ въ слѣдующемъ: По свидѣтельству языка, Осетины—несомнѣнно Иранцы, послѣдній остатокъ народа болѣе многочисленнаго и сильнаго, который въ средніе вѣка занималъ не только горы, но и плоскость сѣвернаго Кавказа, нынѣшнюю Кабарду. Это явствуетъ изъ ряда историческихъ свидѣтельствъ, которыя будутъ собраны въ нашихъ Осетинскихъ этюдахъ. Иранскій слой населенія сохранился въ собственныхъ именахъ въ надписяхъ Восторскаго царства. Есть основаніе думать, что предки Осетинъ входили въ составъ народа Аланъ, жившаго въ началѣ среднихъ вѣковъ на сѣверномъ Кавказѣ. Восходя далѣе въ древность, мы находимъ на Дону (дон—по-осетински=рѣка) кочевой народъ Сарматовъ, ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ Скивовъ. Изъ всѣхъ догадокъ, предложенныхъ о національности Сарматовъ и Скивовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которне, на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ), видятъ въ этихъ народахъ Иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими Индо-Европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не Индо-Европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока: Мы думаемъ, что эту гипотезу нужно ограничить въ томъ смыслѣ, что имена Скивъ и Иранецъ не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ Скивовъ скрывались племена Индо-Европейскія, и въ числѣ ихъ, въ восточныхъ частяхъ Скивіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и Иранцы. Безъ этого предположенія едва ли можно объяснить несомнѣнное присутствіе иранскаго элемента въ Восторскомъ царствѣ времени династіи Савроматовъ, а также существованіе Иранцевъ-Осетинъ (Оссовъ, Ясовъ) на Кавказѣ. Думать о томъ, что Осетины могли придти изъ Азіи на Кавказъ въ средніе вѣка—нѣтъ никакой возможности. Они пришли въ Европу вмѣстѣ съ другими Индо-Европейцами, а не тогда, когда движеніе Индо-Европейцевъ прекратилось и смѣнилось движеніемъ изъ Азіи не Индо-Европейскихъ народовъ. Въ виду этой гипотезы, которую въ настоящей статьѣ мы не можемъ обставить доказательствами, мы старались приводить осетинскимъ бытовымъ и эпическимъ чертамъ параллели изъ свидѣтельствъ Геро-

дота о Скиноахъ. Но даже оставляя въ сторонѣ всѣ гипотезы, все-таки эти параллели на нашъ взглядъ полезнѣе, чѣмъ параллели изъ быта не Индо-Европейскихъ народовъ, особенно такихъ, для которыхъ нѣтъ исторіи. Пусть у какихъ-нибудь краснокожихъ Америки существуетъ скальпированіе, лицедраніе на похоронахъ, гаданія и т. п. Для насъ это менѣе интересно, чѣмъ существованіе подобныхъ чертъ архаическаго быта у современнаго намъ народа нашего рода-племени, потому что это свидѣтельствуетъ о возможности необыкновенной конности въ развитіи и Индо-Европейцевъ. Вотторыхъ, такъ какъ утвержденіе древности того или инаго обряда иногда можетъ быть голословно,—пріятно, когда древность засвидѣтельствована документально. При нашихъ же параллеляхъ обычаи Скиновъ засвидѣтельствованы такимъ писателемъ, какъ Геродотъ. Наконецъ, втретьихъ, указаніе чертъ весьма низкаго быта у Иранцевъ-Осетинъ можетъ ослабить ту теорію о національности Скиновъ (теорію Нибура, Нейманна), которая именно на основаніи грубости скинскихъ обычаевъ видитъ въ Скиноахъ Монголовъ.

Всем. Шиллеръ.